

Антропологія права : філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи) : Статті учасників VII Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 9-10 грудня 2011 року). – Львів : Галицький друкар, 2012. – 2-е вид., виправ. і доп. – 612 с.

ЛЕГИТИМНОСТЬ ИНСТИТУТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ «ИНФЛЯЦИИ» ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОТ ОСУЖДЕНИЯ К ПРИМИРЕНИЮ

Р. Шульга

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, пр. Вернадского, 76, e-mail: ruslan.shulga@gmail.com

В условиях роста конфликтов как международного, так и немеждународного характера проблема защиты прав человека приобретает всё большее значение. В последнее десятилетие преобладают внутренние конфликты (беспорядки; гражданская война и т.д.). Последние события в Египте, Тунисе, Бахрейне, Ливии, Йемене, Сирии заставляют говорить о необходимости выработки новых механизмов для защиты прав человека. Противостоять массовым нарушениям прав человека призвано международное гуманитарное право; параллельно в рамках международного права действует международное право прав человека, представляющее систему принципов и норм, гарантирующих каждому человеку широкий комплекс прав и свобод. Указанные сферы в международном праве, хотя и имеют определённую специфику, тесно взаимосвязаны между собой.

Международное гуманитарное право определяет различные права и обязанности действующих лиц конфликта и организаций по оказанию помощи, и опирается на специфические процедуры для задействования комплекса мер, а также санкций в случае нарушений. Оно призвано регламентировать наиболее проблемную сферу взаимодействия государств – ведение военных действий, в основном пытаясь помешать тому, чтобы конфликты достигали «точки безвозвратности» [4, с. 417].

История гуманитарного права напрямую связана с историей конфликтов и войн. Во все времена руководители окружали военную деятельность правилами, запрещениями и табу, целью которых являлось поддержание дисциплины и контроля в вооружённых силах, а также ограничение эффекта жестокости и разрушимости физической и моральной целостности участников вооружённых конфликтов для того, чтобы они смогли реинтегрироваться в общество после завершения конфликта.

Первые правила войны были в основном созданы на политической и религиозной основах и выражали настоящую проблему гуманизации

социальных, политических и военных отношений (например, Первый китайский договор об искусстве ведения войны, написанный Сунь-цзы в VI-V веках до нашей эры). Теория священной войны постепенно эволюционировала к теории справедливой войны (её причин и методов ведения). Данная эволюция закреплена современным международным гуманитарным правом, которое ограничивает возможности использования войны в отношениях между государствами и которое подтверждает то, что какой бы не являлась цель, используемые в её достижении средства ограничены в соответствии с положениями гуманитарного права.

В современных условиях международное гуманитарное право является единственной юридической формой, позволяющей регламентировать действия по оказанию помощи во время конфликтов.

Зарождение международного гуманитарного права относится ко второй половине XIX века – созданию Международного комитета Красного Креста в 1863 году [29, с. 59-73] и принятию Женевской конвенции «Об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны» 10(22) августа 1864 года. Конвенцией вводился важный принцип нейтральности медицинского персонала, согласно которому медицинская помощь должна оказываться всем пострадавшим участникам военных действий, независимо от того, на чьей стороне они воевали. Кроме того, устанавливался принцип соблюдения строгого равновесия между требованиями гуманности и военной необходимости [32, с. 538]. В 1899 году принята конвенция, распространившая гуманные принципы на участников морских сражений (Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции 10(22) августа 1864 года) [28, с. 639]. В этот же период принимаются Гаагские конвенции, образующие право ведения войны в строгом смысле слова, то есть совокупность правил, которые должны соблюдать воюющие стороны в ходе вооружённых конфликтов [37].

Гаагские конвенции и декларации от 29 июля 1899 года касаются таких вопросов, как мирное урегулирование международных конфликтов и права и обычаи в ходе ведения войны, которые были позднее закреплены конвенциями 1907 года [8].

Кодификация международного гуманитарного права ускорилась после первой и второй мировых войн, во время которых отмечено частое нарушение его норм. Следствием этого стало расширение положений Женевской конвенции в части предоставления защиты отдельным категориям граждан, в том числе военным корреспондентам.

Женевская конвенция 1929 года о раненых и больных ввела два новых положения: (1) даже если кто-то из участников не участвовал в Гаагских конвенциях, это не освобождало его и другие стороны конфликта от соблюдения гуманитарных норм; (2) каждая воюющая сторона, захватившая неприятельский медицинский персонал, обязана вернуть его [21, с. 393].

Принятые после окончания второй мировой войны четыре Женевские конвенции (1949 год) объединили многочисленные правовые нормы, относящиеся к международным вооружённым конфликтам и касающиеся защиты раненых на суше, раненых на воде, военнопленных и гражданского населения [13; 14; 15; 16].

В 1977 году два Протокола были добавлены к Женевским конвенциям, чтобы учесть эволюцию форм и методов войны, выразившуюся в том, что гражданские лица всё чаще становятся мишенью и жертвами, и число внутренних конфликтов постоянно растёт [11; 12]. Стоить сказать, что Дополнительный Протокол № 2 к Женевским конвенциям 1949 года, касающийся защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера, в целом опирался на основные положения Международных пактов о правах человека 1966 года [24; 25].

Специфика международного гуманитарного права состоит в том, что его нормы о защите прав человека должны соблюдаться во время войны или вооружённого конфликта; они не могут быть приостановлены, ими нельзя пренебрегать ни при каких ситуациях.

В международном гуманитарном праве делается различие между военными и гражданскими объектами, гражданскими лицами и комбатантами, имуществом стратегического назначения и имуществом, необходимым для выживания населения. Бои должны касаться только комбатантов [17, с. 58] и стратегических объектов.

Нарушение норм международного гуманитарного права рассматривается как международное правонарушение, влекущее возмещение ущерба, а также уголовную ответственность за «серьёзные нарушения» норм. Статья 147 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны к серьёзным нарушениям относит преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты над людьми; преднамеренное причинение тяжких страданий, серьёзно угрожающих физическому или психическому состоянию любого лица; незаконное депортирование или перемещение, незаконное лишение свободы; принуждение служить в вооружённых силах неприятеля; лишение права на беспристрастное и нормальное

судопроизводство; взятие заложников и незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью.

Серьёзные нарушения Женевских конвенций квалифицируются как военные преступления. В качестве принципов применения уголовной ответственности за совершение военных преступлений выступают: (1) принцип неприменимости срока давности; (2) обязательность уголовного преследования и проведения суда; (3) принцип универсальной юрисдикции.

Таким образом, международное гуманитарное право предназначено и действует именно в экстремальных условиях вооружённых конфликтов международного и немеждународного характера, оно не допускает никаких отступлений, устанавливая гарантии защиты жертв войны. Необходимо уточнить, что международное гуманитарное право содержит принцип только справедливого ведения войны, но не определяет принципы справедливого начала войны.

Можно сказать, что международное гуманитарное право является последней и крайней надеждой во время кризисных ситуаций и конфликтов. Оно помогает человеку выжить во время вооружённых конфликтов и в условиях жестокостей общества. Это право, которое выражается, защищается и утверждается в реальных событиях и в действиях, направленных на защиту прав человека [52].

Нормы международного гуманитарного права подтверждены абсолютным большинством стран мира. Так, Женевские конвенции от 12 августа 1949 года ратифицированы 194 государствами; дополнительный протокол I к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, ратифицирован 171 государством; компетенцию Международной комиссии по установлению фактов, имеющей право начинать независимое расследование (заявление к статье 90 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям) признали 72 государства; участниками дополнительного протокола II к Женевским конвенциям, касающегося защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера являются 166 государств. К Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года [22] присоединились 142 государства. (Данные о ратификациях приведены по состоянию на 24 октября 2011 года (по Женевским конвенциям и Дополнительным протоколам) и на 5 ноября 2011 года (по Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него)).

Как уже было отмечено, международное гуманитарное право тесно связано с международным правом человека. Связующим фактором в процессе сближения этих важнейших отраслей международного права становится утверждение в них категории неотъемлемых прав человека. В универсальных международных актах о правах человека чётко обозначен свод основных прав, которые признаются в качестве неотъемлемых и не подлежат ограничениям ни при каких обстоятельствах [34, с. 182-183].

Важной гарантией действенности норм международного гуманитарного права и международного права прав человека является привлечение к ответственности виновных за совершение особо тяжких преступлений. Безнаказанность воспитывает пренебрежение к закону и поощряет дальнейшие нарушения. Правосудие же по отношению к виновным не только предупреждает дальнейшие нарушения, но и укрепляет самоуважение нации, выступает как символ разрыва с прошлым [49, с. 127-145].

Важной вехой в развитии международного правосудия стало создание международных уголовных трибуналов для привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления во время вооружённых конфликтов. Попытки создать подобного рода институты появились ещё после Первой мировой войны, когда страны-союзники выступили за привлечение к ответственности Кайзера Вильгельма II, однако противоречия между союзниками отложили осуществление данной идеи [43, с. 21].

Впервые международное сообщество пришло к согласованной позиции по созданию международного органа, который рассматривал бы преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности в 1945 году, когда были созданы два трибунала – в Нюрнберге и Токио [38]. Вошедший в историю под названием Нюрнбергский трибунал [39] рассматривал дела в отношении военных, политических и партийных институтов гитлеровской Германии: СС (военизированные формирования, охранные отряды НСДАП), СД (служба безопасности рейхсфюрера СС), гестапо, руководящего состава НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия), нацистского кабинета министров, генерального штаба и верховного командования вермахта. Всего обвинения были выдвинуты против 23 человек. 12 человек были приговорены к смертной казни через повешение. Три человека приговаривались к пожизненному заключению. Двое – к 15 и 10 годам заключения. Трое – глава отдела радиовещания

министерства просвещения и пропаганды Ганс Фриче, вице-канцлер Германии Франц фон Папен, министр экономики Ялмар Шахт – были оправданы. Один человек покончил жизнь самоубийством до приговора, спустя четыре дня после получения обвинительного заключения.

Суд признал преступными организации СС, СД, гестапо и руководящий состав НСДАП. При этом нацистский кабинет министров, генштаб и верховное командование вермахта преступными организациями признаны не были [31; 10, с. 289-290].

Трибунал в Токио в отношении японских милитаристов приговорил семерых к смертной казни, а 16 человек получили пожизненное заключение.

Работа международных трибуналов заложила основы для дальнейшей разработки принципов международного уголовного преследования лиц, совершивших военные преступления. Комиссия международного права ООН кодифицировала «Нюрнбергские принципы», содержащие принцип индивидуальной уголовной ответственности за противоправные деяния [44].

Несмотря на то, что работа международных трибуналов соответствовала моральному императиву того времени, правосудие (если это можно назвать правосудием) осуществлено победителями в отношении побеждённых (в международный военный трибунал были делегированы представители четырёх стран – Великобритании, СССР, США и Франции).

Сам процесс и его результаты вызвали вопросы и острую критику не только со стороны защиты или представителей нейтральных государств, но и в среде антигитлеровской коалиции. Например, видный теоретик танковой войны генерал-майор Джон Фуллер назвал Нюрнбергский процесс «пародией на правосудие, проистекающей из лицемерия» [23, с. 56-59]. Такие высказывания были вызваны как политическими, так и юридическими причинами. К политическим причинам следует отнести замалчивание на процессе фактов, невыгодных стороне обвинения. Так, советская делегация настаивала на не обнародовании вопросов о секретном протоколе к советско-германскому договору о ненападении и всего, что с ним связано; вопросов по Западной Украине и Западной Белоруссии и проблемах советско-польских отношений. Кроме того, СССР настаивал на признании Германии виновной в массовом расстреле польских офицеров в Катыне. Англичане и французы требовали не поднимать на процессе мюнхенские соглашения 1938 года.

Стоит сказать, что и с точки зрения юридической стороны процесс проходил мягко говоря не всегда корректно. Судопроизводство велось от лица союзников, то есть потерпевшей стороны. Тем самым нарушался фундаментальный принцип правосудия – состязательности сторон; в отношении обвиняемых не действовал принцип презумпции невиновности. Грубейшим образом был нарушен принцип взаимной вины, согласно которому сторона обвинения не может судить за преступления, подобные которым совершала сама (например, полное разрушение Дрездена в результате бомбовых ударов британской авиации; атомные бомбардировки американскими самолётами двух японских городов в августе 1945 года; жестокое обращение советских войск с жителями Берлина после его капитуляции). Эти нарушения принципов гуманного поведения мировым сообществом не квалифицировались как военные преступления.

Нарушения беспристрастности с юридической точки зрения процесса в Нюрнберге позволили в 1953 году суду в Мюнхене удовлетворить иск вдовы начальника штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта генерал-полковника Альфреда Йодля и по формальным основаниям реабилитировать генерал-полковника. Это притом, что в ведении А. Йодля находился контроль над выполнением директив А. Гитлера, в том числе направленных против человечности (законы о евреях и комиссарах).

В 1993 и 1994 годах Совет Безопасности ООН создал два международных трибунала: по бывшей Югославии [41] и Руанде [40]. Указанные трибуналы, как и международные трибуналы в Нюрнберге и Токио, являются трибуналами *ad hoc*. Трибуналы рассматривали преступления, совершённые наиболее высокопоставленными участниками вооружённых конфликтов в Югославии и Руанде (геноцид, военные преступления, преступления против человечности).

Деятельность трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, их статус, правомочность, легитимность, беспристрастность вынесенных судебных решений вызывают неоднозначную реакцию в мире. В качестве главной претензии к трибуналу по бывшей Югославии называется его «антисербская» позиция (статистика подтверждает, что в качестве обвиняемых было привлечено намного больше сербов, чем представителей других этнических групп, населявших Югославию).

Созданный Советом Безопасности, а не по решению Генеральной Ассамблеи ООН, трибунал не в полной мере отвечал легитимности своего существования и таким образом не мог в полной мере быть беспристрастным.

Неоднократно на руководство Сербии оказывалось со стороны США и стран Европейского Союза давление с целью выдать С.Милошевича и Р.Младича под угрозой не предоставления экономических кредитов и приостановления переговоров о вступлении Сербии в ЕС.

Необходимо сказать, что и как на слушаниях трибунала в Нюрнберге, так и в Гааге (штаб-квартира трибунала по бывшей Югославии), это суд победивших – к ответственности не были привлечены военнопленные войск НАТО, которые осуществляли бомбовые удары по гражданским объектам бывшей Югославии (здание телецентра Югославии; посольство Китайской Народной Республики; поезд с беженцами). Такая избирательная легитимность подрывает престиж международного права. «Новый военный гуманизм» США и их союзников [46] ставят под сомнение возможность найти справедливость посредством права.

Деятельность международного трибунала по Руанде подверглась не менее ожесточённой критике связанной со скандалами, когда судьи, работавшие в трибунале, оказывались сами причастными к совершённым преступлениям [9, с. 38-53].

В конце 1990-х годов появились «смешанные» трибуналы, то есть трибуналы со смешанной юрисдикцией, применяющие как нормы международного права, так и национальное законодательство. Такие трибуналы созданы в Сьерра-Леоне, Восточном Тиморе, Камбодже, крае Косово.

В 1998 году был принят Статут Международного Уголовного Суда (далее – МУС), вступивший в силу 1 июля 2002 года [35]. Однако Суд, местопребывание которого является Гаага (Нидерланды), приступил к своей работе только в марте 2003 года после назначения Прокурора, Судей и Секретаря. По состоянию на 24 октября 2011 года 119 государств ратифицировало Римский Статут МУС и 139 государств подписали его.

Создание этого Суда призвано заполнить пробел в уголовной практике международного сообщества в области наказания наиболее тяжких международных преступлений [3, с. 252-256], а также предоставить потерпевшим возможность обращаться в суд. Его Статут был принят с целью продолжения работы трибуналов, созданных *ad hoc* для бывшей Югославии и Руанды. Юрисдикции МУС подлежат, при определённых условиях, преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии (Статут, ст. 5) [6].

В отличие от трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, МУС ограничен в своей международной юрисдикции, так как она не явля-

ется приматом над внутренней юрисдикцией стран, а является только дополнительной. Если дело было возбуждено в каком-либо национальном суде, то в этом случае данное дело не может быть принято к производству МУС, кроме случаев, когда возможно доказать, что соответствующее государство не хочет или не может завершить судебный процесс надлежащим образом (Статут, ст. 17) [1, с. 240].

Учреждение данного Суда безусловно представляет собой прогресс в области международного уголовного права, так как со дня образования трибунала в Нюрнберге государствам ещё не удавалось создать постоянный международный суд, ни достичь договорённости относительно точного определения преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда. Кроме того, Статут МУС принимает во внимание различные существующие в мире правовые системы, в отличие от трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, где преобладало влияние англо-саксонской системы права.

Одним из недостатков Статута МУС является отсутствие определения агрессии. Много споров при разработке Статута МУС вызвало добавление к традиционным мотивам преследования (политическим, расовым, этническим, религиозным) гендерных мотивов преследования (Статут, ст. 7h) в части трактовки значения «гендерный». Ватикан и арабские страны небезосновательно считают, что понятие «гендерный» включает в себя преследование, в том числе, и по причине принадлежности к гомосексуалам (чего они стремились избежать).

По состоянию на 2011 год МУС расследует дела по Демократической Республике Конго (апрель 2004 года), Центрально-Африканской Республике (январь 2005 года), Кении (март 2010 года), Ливии (февраль 2011 года). Совет Безопасности ООН также представил на рассмотрение Суда дело о ситуации в Дарфуре (Судан), основываясь на Резолюции 1593 от 31 марта 2005 года.

Однако эффективность созданного института далека от идеала в связи с тем, что три постоянных члена Совета Безопасности ООН (Китай, США и Россия) не ратифицировали Статут МУС. Кроме того, ещё ряд стран не ратифицировали Статут МУС, среди которых и Израиль. США мотивируют свою позицию тем, что американское внутреннее общеуголовное и военное законодательство соответствует нормам международного права и позволяет самим осуществлять правосудие над своими гражданами. Однако истинные причины отказа США ратифицировать Статут МУС надо искать в другом – сами США используют непропорционально военное вмешательство во внутрен-

ние дела других стран для решения собственных проблем; при этом их действия в некоторых случаях подпадают под признаки военных преступлений [5, с. 25-33; 45].

Отказ Израиля ратифицировать Статут МУС объясняется состоянием войны с Палестиной (оккупацией их территории; внесудебное уничтожение лидеров палестинских групп; разрушение гражданских объектов).

Реальное функционирование норм международного гуманитарного права и международного права прав человека зависит от механизмов их имплементации на национальном уровне [19]. В этой связи стоит сказать о Законе Бельгии о пресечении серьёзных нарушений Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним от 16 июня 1993 года [33, с. 255]. Закон распространяет некоторые серьёзные нарушения международного гуманитарного права, квалифицируемые как военные преступления, на немеждународные вооружённые конфликты. Указанные в ст. 1 (п. 1-20) Закона действия или факты бездействия в отношении лиц, находящихся под покровительством Женевских конвенций или Дополнительных протоколов к ним (включая Протокол II), считаются «серьёзными нарушениями» [32, с. 553]. Для обеспечения неотвратимости наказания за совершённые преступления в ст. 7 Закона закреплён принцип универсальной юрисдикции, по которому суд Бельгии не связан ни территорией, ни национальной принадлежностью обвиняемых, то есть к суду могут быть привлечены иностранные лица, совершившие серьёзные нарушения в ситуации внутреннего вооружённого конфликта, имевшего место за пределами Бельгии [33, с. 255-256].

Подобное законодательство принято и в других странах, в частности, в Дании, Испании, Канаде, Нидерландах, Норвегии, США, Финляндии, Швейцарии, Швеции.

Уголовное преследование как на международном, так и на национальном уровне служит восстановлению справедливости, однако внесудебное восстановление иногда выступает как более эффективный механизм восстановления справедливости. В качестве таких форм выступают комиссии по примирению и выяснению истины [42, с. 56-65], традиционные механизмы правосудия (Gacaca процесс в Руанде, механизм Mato Oput в Уганде и т.д.).

Комиссии по установлению истины уже работали более чем в сорока странах мира. Их главная задача состоит в том, чтобы выявлять нарушения прав человека, иногда они занимаются возмещением ущерба потерпевшим.

В теории не существует единого определения того, что такое комиссия по установлению истины – они почти всегда создаются после военного конфликта, как правило, правительством или парламентом. В качестве главной задачи подобным комиссиям вменяется расследование нарушений прав человека, совершённых военными, другими государственными органами или вооружённой оппозицией. Благодаря этому формируется в обществе более правдивая картина произошедших в обществе событий во время конфликта.

Такие комиссии, как правило, финансируются правительством, иногда законодательным органом власти, ООН или неправительственными организациями [48].

Особенностью подобных форм является широкое применение амнистии в отношении лиц, привлекаемых к ответственности. Целью подобных форм восстановления справедливости является не наказание, а публичное осуждение. В рамках указанных форм примирения осуществляется проверка фактов; полное и публичное раскрытие истины; поиск пропавших лиц или тел погибших; помощь в захоронении тел согласно национальным и семейным традициям; официальное заявление или судебное решение о восстановлении достоинства, репутации, юридических и социальных прав потерпевших или лиц, тесно связанных с ним; извинение, в том числе публичное признание фактов правонарушения и ответственности за него; поминовение и дань памяти жертвам правонарушений и т.д. [27, с 268].

Использование процедур примирения в отличие от показательных судебных процессов выглядит более приемлемым особенно в современных условиях ввиду распространяющегося нигилизма по отношению к международному праву. За последние годы резко изменилось соотношение силы и права в международных отношениях. Конкуренция между государствами стала объективной реальностью, где сильный побеждает невзирая на правовые рамки. Международное право в последние годы стремится поставить под контроль действия государств и других игроков исходя из логики баланса сил. Это особенно опасно в условиях «инфляции» прав человека [7, с. 8; 36, с. 2]. Международные и национальные органы правосудия постепенно трансформируются в транснациональную власть, когда с помощью судебных решений преследуются отставные и действующие главы государств, иные лица, занимающие государственные посты, а также распространяют свою власть на лиц третьих стран.

Некоторые считают, что международная уголовная юстиция – это просто селективная политическая форма правосудия, средство установить силовыми методами «судебный апартеид», разделив всемогущий Запад и слабые страны: «Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии является таким же орудием войны, какими могут быть бомбардировки или экономическая блокада. В современных войнах есть несколько стадий... стадия дезинформации, направленной на очернение противника... суд над «покорёнными», добавляющий последние штрихи к оправданию войны. Право на вмешательство на гуманитарном и военном уровнях теперь дополнено правом на вмешательство в области уголовного права» [47, с. 11].

Другие видят в международной уголовной юстиции выражение лицемерной политики Запада, который поддерживает международные уголовные институты, когда те действуют против его противников, но оставляет за собой право выразить робкое сожаление, когда речь идёт о его собственных преступлениях [51, с. 145-163].

Мир постепенно уходит от вестфальской системы международных отношений [20] к новой – поствестфальской формуле. Эти изменения носят структурный, типологический характер (это особенно стало заметным после ситуаций в Ираке, на Балканском полуострове, Ливии и то что происходит в настоящее время во взаимоотношениях между Грецией и Европейским Союзом; фактически шантажом отдельных стран – отказа финансировать ЮНЕСКО – после принятия Палестины полноправным членом международной организации; то, что происходит вокруг ситуации в Иране и Сирии и т.д.). Ключевым моментом этого типологического характера изменений служит избирательная легитимность, что само по себе предполагает наличие властной элиты, санкционирующей эту легитимность, а также неугодных стран с ограниченным суверенитетом. На наших глазах мы наблюдаем деформацию ООН и вытеснение её роли через передачу легитимности другим элитарным институтам – НАТО, Международному Валютному Фонду, Европейскому Союзу, где решения иногда принимаются посредством неформальных процедур [30].

Поствестфальская система закрепляет в общественном сознании специфические черты нового (квази)-права, характеризующегося через нечёткость норм (Бауринг), превалирование политических интересов, роли государств на международной арене, неформальный характер отдельных международных организаций, непубличность принимаемых решений.

В этой связи, делая выводы, вызывают вопросы, можно ли в современных условиях опираться на нормы международного гуманитарного права и существующие международные институты правосудия в целях сдерживания насилия, следовании принципу беспристрастности при вынесении решений. Можно ли с полной уверенностью сказать, что международное судебное преследование лиц, ответственных за совершение преступлений будет иметь сдерживающий эффект; напротив, такое преследование может привести к всплеску новых преступлений и ещё более жестоких. Установка на неременное наказание лиц, обвиняемых в военных преступлениях, как залог мира оказывается в реальности контрпродуктивной. Необходимо постепенно отказываться от механизмов судебного преследования, а развивать институты примирения для установления согласия в обществе и достижения справедливости, что будет способствовать закреплению легитимности норм международного гуманитарного права и международного права прав человека.

Политика примирения и широкое применение амнистии за прошлые нарушения прав человека – это способ на практике обеспечить соблюдение прав человека в будущем. В правосудии для жертв можно видеть императивное требование, но моральные обязательства нельзя вырывать из их политического контекста. Защиту прав человека следует рассматривать в контексте специфических политических реалий, которые зачастую и диктуют оптимальное решение.

Иногда достаточным оказывается отстранение от власти людей, замеченных в нарушениях, чем их преследование, наказание и тем более ликвидация. Необходимо отказываться от избирательного правосудия, порождающего пагубную практику двойных стандартов [2; 26, с. 234], что само по себе обесценивает институт международного права. Не столько следование закону служит основой мира [18], сколько осуществление норм международного права выступает результатом мира и стабильности в обществе [50, с. 5-44].

Список использованных источников:

1. Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность: науч. изд. / А.С. Автономов. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2009. – 448 с.
2. Бауринг Б. Позиция Европейского Суда по правам человека в вопросе об избирательных правах граждан в контексте латвийской практики: критический взгляд / Б. Бауринг // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. – 2008. – № 6. – С. 28-42.
3. Белякович Н.Н. Права человека и политика: философско-правовые основы / Н.Н. Белякович. – Минск: Амалфея, 2009. – 412 с.
4. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права ; [перевод с французского Е. Кирпичниковой и В. Садитдиновой]. – Изд. 2-е, доп., расширенное. – М.: МИК, 2008. – 640 с.
5. Гефтер В. «Местификация» права – варианты ответов на вызов терроризма / В. Гефтер // Российский бюллетень по правам человека. – 2001. – Выпуск 15. – С. 25-33.
6. Даффи Х. Введение в действие Статута Международного уголовного суда: международные обязательства и проблемы национальных конституций / Х. Даффи, Д. Хастон // Российский бюллетень по правам человека. – 2002. – Выпуск 16. – С. 124-137.
7. Дебрер С. Убийца ребёнка теперь ещё и изнасиловал правосудие / С. Дебрер // Русская Германия/Русский Берлин. – 2011. – № 32. – С. 8.
8. Действующее международное право. Т. I-III. – М.: Московский независимый институт международного права, 1999. – 2530 с.
9. Дериглазова Л. Международное судебное и внесудебное правосудие / Л. Дериглазова // Международные процессы. Том 5. Номер 1 (13). 2007. – С. 38-53.
10. Дипломатический словарь. – М.: Наука, 1984. Т. I-III. – 1272 с.
11. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I). – В кн.: Права человека. Сборник международных договоров. Т. I (часть вторая). Универсальные договоры. – Нью-Йорк и Женева: Организация Объединённых Наций, 1994. – С. 1027-1106.
12. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера (Протокол II). – В кн.: Права человека. Сборник международных договоров. Т. I (часть вторая). Универсальные договоры. – Нью-Йорк и Женева: Организация Объединённых Наций, 1994. – С. 1119-1132.
13. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года. – В кн.: Сборник действующих договоров, соглашений

и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – М., 1957. Вып. XVI. – С. 125-204, 279-280.

14. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 года. – В кн.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – М., 1957. Вып. XVI. – С. 71-100, 279.

15. Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооружённых сил на море от 12 августа 1949 года. – В кн.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – М., 1957. Вып. XVI. – С. 101-124, 279.

16. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года. – В кн.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – М., 1957. Вып. XVI. – С. 204-278, 280.

17. Иванов Г.И. Права человека: история и теория. Ситуационные задачи. Международное и национальное законодательство / Г.И. Иванов. – 2-е изд. – Минск: Дикта, 2010. – 360 с.

18. Каламкарян Р.А. Господство права (Rule of Law) в международных отношениях / Р.А. Каламкарян. – М.: Наука, 2004. – 494 с.

19. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве / В.А. Карташкин. – М.: Институт государства и права РАН, 1995. – 136 с.

20. Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации / В.А. Карташкин. – М.: Норма, 2009. – 288 с.

21. Ковлер А.И. Антропология права: Учебник для вузов / А.И. Ковлер. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 468 с.

22. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года. – В кн.: Действующее международное право. Т.2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 68-71.

23. Мартынов А. Время оценок / А. Мартынов // The New Times. – 2010. – 15 ноября. – С. 56-59.

24. Международный Пакт от 16 декабря 1966 года «Об экономических, социальных и культурных правах». // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

25. Международный Пакт от 16 декабря 1966 года «О гражданских и политических правах». // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

26. Мировая политика и международные отношения: Учебное пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. – СПб.: Питер, 2008. – 448 с.

27. МККК 2003. Сборник статей. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2004.

28. Мучник А.Г. Философия достоинства, свободы и прав человека / А.Г. Мучник. – К.: Парламентское издательство, 2009. – 672 с.

29. Наумов А.О. Международные неправительственные организации в современной мирополитической системе / А.О. Наумов. – М.: КРАСАНД, 2009. – 272 с.

30. Неклесса А.И. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений / А.И. Неклесса // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 9. – С. 103-112.

31. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. / Под ред. К.П. Горшенина, Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко. Т. 1-2. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954. – 2100 с.

32. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2009. – 560 с.

33. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. Ответственный редактор – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук Е.А. Лукашева. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – 320 с.

34. Право и права человека в условиях глобализации (материалы научной конференции). / Ответственные редакторы: член-корреспондент РАН Е.А. Лукашева, к.ю.н. Н.В. Колотова. – М.: Институт государства и права РАН, 2006. – 224 с.

35. Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года. – В кн.: Международное право в документах: Учеб. пособие / Сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Полиграф ОПТ, 2004. – С. 832-873.

36. Смирнов А. Пытка демократией / А. Смирнов // Новые известия. – 2011. – 31 августа. – С. 2.

37. Толочко О.Н. Международное гуманитарное право: Учебное пособие / О.Н. Толочко. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2003. – 87 с.

38. Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 19 января 1946 года. – В кн.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 79-86.

39. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 года. – В кн.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XI. – М., 1955. – С. 165-172.

40. Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994

года. – В кн.: Резолюции и решения Совета безопасности за 1994 год. Совет безопасности. Официальные отчёты: Сорок девятый год. – Нью-Йорк: Организация Объединённых Наций, 1996. – С. 20-24.

41. Устав Международного трибунала по Югославии от 25 мая 1993 года. – В кн.: Международное право в документах: Учеб. пособие / Сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Полиграф ОПТ, 2004. – С. 817-828.

42. Хайнц Вольфганг С. Уроки «дня после войны». Как комиссии по установлению истины могут помочь в урегулировании конфликтов / Вольфганг С. Хайнц // Internationale Politik. – 2005. – № 3. – С. 56-65.

43. Ball Howard. Prosecuting War Crimes and Genocide: The Twentieth-Century Experience / Howard Ball. – Lawrence: University Press of Kansas, 1999. – 264 pp.

44. Beigbeder Yves. Judging Criminal Leaders: the Slow Erosion of Impunity / Yves Beigbeder. – The Hague: Kluwer Law International, 2002. – 229 pp.

45. Chomsky N. Failed States: The Abuse of Power and the Assault on Democracy / N. Chomsky. – New York: Metropolitan Books/ Henry Holt & Company, 2006. – 311 pp.

46. Chomsky N. The New Military Humanism: Lessons from Kosovo / N. Chomsky. – Monroe, ME: Common Courage Press, 1999. – 199 pp.

47. Gallois, Pierre Marie & Verges Jacques. L'apartbeid judiciaire – le Tribunal penal international, arme de guerre / Pierre Marie Gallois & Jacques Verges. – Lausanne: L'Age d'Homme, 2002. – 94 pp.

48. Hayner, Priscilla B. Unspeakable Truths: Facing the Challenge of Truth Commissions / Priscilla B. Hayner. – New York and London, Routledge, 2001. – 368 pp.

49. Marx Reinhard. A Non-Governmental Human Rights Strategy for Peace-Keeping? / Reinhard Marx // Netherlands Quarterly of Human Rights. 1996. No 2. – Pp. 127-145.

50. Snyder J., Vinjamuri L. Trials and errors. Principles and pragmatism in strategies of international justice / J. Snyder, L. Vinjamuri // International Security. Winter 2003-2004. – Vol. 28. – № 3. – P. 5-44.

51. Sundar Nandini. Toward an anthropology of culpability / Nandini Sundar // American Ethnologist. – 2004. – Vol. 31. – № 2. – Pp. 145-163.

52. Vigny Jean-Daniel & Thompson Cecilia. Standards fondamentaux d'humanite: quell avenir? / Jean-Daniel Vigny & Cecilia Thompson // Revue Internationale de la Croix-Rouge. – 2000. – Vol. 82. – Issue 840. – Pp. 917-939.

ЛЕГІТИМНІСТЬ ІНСТИТУТІВ МІЖНАРОДНОГО ПРАВОСУДДЯ У КОНТЕКСТІ СУЧАСНОЇ «ІНФЛЯЦІЇ» ПРАВ ЛЮДИНИ: ВІД ОСУДУ ДО ПРИМИРЕННЯ

Р. Шульга

*Московський державний інститут міжнародних відносин (Університет)
Міністерства закордонних справ Російської Федерації,
м. Москва, пр. Вернадського, 76, e-mail: ruslan.shulga@gmail.com*

У статті аналізуються сучасні тенденції у трансформації інститутів міжнародного правосуддя крізь призму переоцінки цінності прав і свобод людини в сучасних міжнародних відносинах. Ставиться проблема співвідношення сили і права у міжнародних відносинах у контексті норм міжнародного гуманітарного права та міжнародного права прав людини. Досліджуються сучасні тенденції, при реалізації яких позиція захисту прав людини служить лише своєрідним приводом і, одночасно, ефективним інструментом для досягнення інших цілей. Дана оцінка ролі тимчасових міжнародних трибуналів в утвердженні нових принципів міжнародного кримінального права, з одного боку, та їх використання як політичного інструменту великих світових держав, з іншого. Критично оцінюється роль сучасних інститутів міжнародного правосуддя з точки зору їх неупередженості в розслідуванні військових та інших злочинів. Зроблено висновки про необхідність поступової відмови від виборчого правосуддя і розвитку позасудових інститутів щодо примирення та відновлення істини.

Ключові слова: міжнародне гуманітарне право, міжнародне право прав людини, міжнародні трибунали, міжнародний кримінальний суд, комісії з примирення і відновлення істини.

**THE LEGITIMACY OF THE INSTITUTIONS
OF INTERNATIONAL JUSTICE IN THE CONTEXT
OF THE MODERN «INFLATION» OF HUMAN RIGHTS:
FROM CONDEMNATION TO RECONCILIATION**

R. Shulga

*Moscow State Institute of International Relations (University),
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Vernadsky Av., 76, e-mail: ruslan.shulga @ gmail.com*

The paper analyzes current trends in the transformation of institutions of international justice through the prism of the revaluation value of the rights and freedoms in the contemporary international relations. We pose the problem of correlation of forces and law in international relations in the context of international humanitarian law and international human rights law. We examine the current trends in the implementation of which the position of human rights is the only kind of pretext, and, simultaneously, an effective tool for achieving other goals. The article focuses on the role of temporary international tribunals in establishing of the new principles of international criminal law, on the one hand, and their use as a political tool of major world powers, on the other. The role of modern institutions of international justice in terms of their impartiality in the investigation of war and other crimes is being evaluated in the article. The conclusions drawn indicate that there is a need to phase out selective justice and develop an extra-judicial institution aimed at establishing the truth and reconciliation.

Keywords: international humanitarian law, international human rights law, international tribunals, the International Criminal Court, commissions on truth and reconciliation.